

Василий ТИТЕНКО

1941—2023

Василий Алексеевич Титенко родился в деревне Кирилловка Иланского района, в крестьянской семье. После окончания десятилетки поступил в Енисейский педагогический институт на историко-филологический факультет (окончил в 1963 году). Работал журналистом в редакции газеты «Енисейская правда» (Енисейск), редактором газеты «Заря коммунизма» (Канск), выпускающей газеты «Победа» (Нижний Ингаш). С 1989 года — редактор боготольской газеты «Знамя Ленина» (сейчас «Земля боготольская»). Рассказы публиковались в альманахе «Енисей», в коллективном сборнике «Всё от матери». Автор нескольких сборников рассказов, повести «Цветок папоротника», посвящённых сибирской деревне. Участник многих семинаров молодых писателей. Своим наставником считал рано ушедшего из жизни замечательного русского писателя Ивана Пантелеева.

ЧЕРЕМША

Была б моя воля, нашу корову из стайки бы не выпускал, не то что со двора: как вырвется на улицу, так и поволокась куда глаза глядят. Ещё Рябинкой называли такую блудливую. Мама жалеет её, до пастухов отпускает, чтоб молока больше было...

Зла не хватает: после дождя грязь развезло, а тут иди ищи эту животину. Хорошо бы ещё с Петькой, так у них корова дальше огородов не забредёт. Зато Домнина Чернуха поплевалась с нашей, потому в попутчиках со мной Женька. Для девочки, может, и ничего, а надо мной пацаны хохочут: «Смотри в примачи не угоди». Примак — это дед Кузьма. У него старуха умерла, так он перешёл жить к бабке Марфуте, у которой корова доилась круглый год. Никогда не стану примачом.

Одному лазить по тайге тоже несладко. В прошлом году волки задрали пять овечек; правда, это осенью. Теперь, говорят, звери уходят подальше от людей, в лес, но кто их знает, вдруг перепутают дорогу...

— Женька, ты не боишься волка?

— Не-а.

— Правда?

— Так у меня одни кости.

Вот хитрюга. Я толще её, значит, меня могут схрумкать. Утащат в кусты, слопают — и косточек не найдёшь, даже могилки на кладбище не будет... поплакать никто не придёт.

— Васятка, чо зубами стучишь? Замёрз?

— Ага.

— Ты шлёпай по грязи, она тёплая.

У Женьки ноги до колен в грязи, как в чёрненьких сапожках. Я шёл по обочине и не успел вымазаться. Нужно быть дохляком, чтоб замёрзнуть, когда начало припекать солнце, но не скажешь ей, что от страха зубы застучали. Я оглянулся — деревни не видно.

— Ну, греешься?

— Правда теплее.

— Давай пробежимся?

— Па-а-ашли!

Ошмётки грязи слетали с наших ног, и то ли ветер шумел в ушах, то ли лес гудел: «Не обгонишь, не обгонишь». Жарко. Душно. Весело.

— Не могу-у...

Женька сдалась. Ещё несколько шагов, и я остановился бы, но хвастаюсь:

— Я до ключа добежал бы.

Ну и зануда эта Женька, сразу прицепилась:

— Духу не хватит.

— Спорим?

— О чём?

— О чём хочешь.

Ничего не придумав, я протянул руку, тиснул Женькины холодные тонкие пальцы и побежал. Хоть умру, а добегу — не стану сопли распускать перед ней. И лужи мне нипочём. Штанины намокли. До ручья — рукой подать, на ходу оглядываюсь: Женьки на дороге нет. Можно и шагом пройти, но вдруг она заметит, что схлюздил? Нет, добегу...

«Шух-шух», — шумят холщовые штаны.

Вот и ключ! Вода позванивает по камням, ух, ледяная — обожгла ладони, лицо. Ой, какая вымахала травища! Стой, Васька! Так это же... Не верю глазам — че-рем-ша, настоящая, зелёная, пахучая! Сладкий красный корешок. Голова от радости закружилась.

— Жень-ка-а-а!

Вон ещё ершится кучка черемши, чуть подальше зеленеет, наверное, она же. Маслянисто-горькая, как сало с чесноком. Ничего на свете нет вкуснее.

— Чо, Васятка? — запыхавшаяся Женька таращит глаза.

— Целуй.

— За что?

— А это видишь? — приподнимаю черемшу, как флаг. — Бери, попробуй!

— Ур-ра! Васятка, миленький! — она подпрыгнула и чмокнула в щёку. — Перезимовали, Васятка, перезимовали!

Женька плакала и смеялась, хлопала по плечу, как настоящий парень. Глаза, как вода в речке на перекате, сияют.

— Я-то, я-то чо?.. Стакан молока — и день могу носить, как коза.

Она не жевала — сосала черемшину, причмокивая языком.

— А братики лежмя лежат, кровь с зубов идёт. Им витаминки нужны.

И зачем я с целованием этим приставал?

— Женя, рви, вон целый пук черемши.

— А ты? Давай вместе!

— Мы много нарвём!

— И всем в деревне расскажем.

— Не поверят.

— А мы наедемся и хукнем, запах у черемши лучше всяких одеколонов.

Радостно поёт ручей, словно подсказывает, что впереди черемшины растут. Замурлыкала смешно Женька: не запоёшь во весь голос, когда полный рот. Она в подол рвёт. Я за пазуху бросаю. Приятная прохлада успокоила от бега. Был бы мешок, мы бы набузовали полный. Вот ребятня обрадуется, что мы открыли черемшу.

— Васятка, надо домой... Коров ещё искать.

— Ага. А то и нас потеряют.

Иду, не оглядываюсь, слышу — сзади сопит Женька. Что бы ей хорошенькое предложить?

— Женя, давай всегда вместе?

— Мы и так вместе.

— Не-е, чтобы до гроба, поклянёмся черемшой.

Она обогнала меня.

— Это как?

— Ну, ты и я поклянёмся, чтоб нам черемша не попадалась, если кто схлюздит, подведёт друг друга.

— Хорошо, только пусть тому не попадается, кто клятву нарушит.

— Идёт. Клянёмся.

— Давай медленно и тихо, нет, громко, чтоб лес слышал. Раз, два, и... кля-нём-ся черем-шой!..

И оба застыли. Тайга несколько раз отозвалась: «Ой, ой, ой».

Мы вышли на дорогу. Смешные наши следы: мои — огромные, как у медведя, Женькины — маленькие, понятно, она — девчонка. Если бы не искать коров, мы были бы самыми везучими в деревне. Правда, после клятвы я не знал, что будет дальше. Выручила Женька:

— Васятка, ты тоже на войну пойдёшь?

— Ага, когда вырасту.

— Мне кажется, война, как речка, без конца.

— Почему речка без конца? Она в море попадает.

— А война-то всё не кончается.

— Кончится. Учительница говорила.

Женька, довольная, мурлычет тихонько какую-то песенку. И мне кажется, был бы я большим, так эту войну быстро закрыл, пусть бы даже в меня стреляли, лишь бы не убили. Нет, не убьют.

— Жень, а меня могут ранить, глаза повыбивают, и не увижу тебя.

— Ты всё равно меня узнаешь. Наемся черемши, дыхну на тебя, и узнаешь, мы же поклялись. Действительно, никто и не догадается, что мы сговорились.

— Вась-ка-а, Жень-ка-а!

— Брат зовёт? — спросила Женька.

— Ага. Эгей-эй! — закричал я.

Из-за куста черёмухи выскочил Ваня.

— Где вы пропадали?

Хмурится, ворчит, а сам и не знает, что у нас черемша. Лезу за пазуху, целую горсть достал: он сразу догадался.

— Ну, хотел баню устроить, ладно уж, черемша вкусная, а коров я сам пригнал.

— А у меня много, во! — хлопаю по мягким бокам.

Мы возвращаемся домой настоящими героями. Женька говорит Ване, что на зиму они насолят большую бочку черемши, чтоб до следующего лета хватило. А я знаю, что во всех избах сегодня будет пахнуть черемшой.